

Евгений Голубовский

Самый одесский

Не стыжусь, не стесняюсь того, что люблю музеи больше, чем рестораны, преферанс и даже футбол. В музеях ощущаешь связь времен, здесь выпадаешь из реального времени в вечность. В какой бы город мира не заносила судьба, ходил по музеям. Когда принимаю друзей в Одессе, веду в музеи. И в этой прогулке всегда завершающим аккордом становится литературный, из государственных – самый молодой. А я бы сказал точнее – самый одесский.

Сорок лет исполняется Одесскому литературному музею. Помню, в каких муках он рождался. Помню, как в гостинице «Красная» Семен Лившин и я устраивали встречу Никиты Брыгина, инициатора создания такого музея, с главным редактором Все-союзного сатирического киножурнала «Фитиль» Александром Столбовым. Все чаяния Никиты Алексеевича Брыгина разбивались о киевское «Нэ трэба». И вот выход на всесоюзный экран сюжета в «Фитиле» принес решение о создании музея, выделение здания облисполкома, бывшего дворца князя Гагарина на Ласточкина, 2. И... самовольное занятие здания транспортной прокуратурой. Еще неделю назад Никита Алексеевич водил меня по кабинетам опустевшего здания и вслух мечтал – здесь будет зал Гоголя, здесь зал Власа Дорошевича, с окнами на море – Багрицкого, Олеши, Катаева...

В советские времена дело неслыханное – самозахват здания. Но вот уже в кабинете с видом на море заседают прокуроры. И тогда Юрий Макаров и я пишем, договорившись с «Комсомольской правдой», фельетон. Его публикуют. И чудо – ночью прокуратура покидает «поле боя».

Несколько дней назад в очередной раз зашел в Литературный музей. Думал выбрать пять-шесть экспонатов, чтобы через их судьбу рассказать о жизни писателей, о самой литературе. Выходим с заместителем директора музея, нашим постоянным и любимым автором Аленой Яворской из кабинета, подходим к парадной лестнице.

Так вот же он – первый и главный экспонат! Эта лестница помнит шаги Ивана Бунина, Корнея Чуковского, Владимира Жаботинского, Александра Дерибаса, Александра Федорова, Семена Юшкевича, приходивших сюда на заседания «Литературки». А ведь в 1909 году в этом дворце был открыт первый «Салон Издебского». По этой лестнице поднимались Владимир Издебский и Кириак Костанди, Петр Нилус и Павел Волокидин, Давид и Владимир Бурлюки... Если бы на каждой ступеньке крепить мемориальный знак, поверьте, не хватило бы ступеней... Самим Богом это здание было предназначено для музея. И исполнилось, и состоялось.

Не ограничился лестницей, вновь прошелся по музею. Только что на заседании топонимической комиссии при горисполкоме рассматривался вопрос об установке мемориальной доски Ивану Никитичу Инзову, генерал-губернатору края, покровительствовавшему ссыльному А.С. Пушкину. И вот в музее я вижу рюмку из дома И.Н. Инзова. Держал ли ее в руке поэт? Кто ответит? Какая разница – вот свидетельница застолий в доме хлебосольного генерал-губернатора, чей дом был приютом и для поэта.

Поворачиваюсь – и в том же зале огромный книжный шкаф. Ну, как тут не сказать: «Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование, которое вот уже больше ста лет было направлено к светлым идеалам добра и справедливости...»?

Но нет! Это не чеховский шкаф, не чеховский «Вишневы сад». Это шкаф, которого касались руки Адама Мицкевича.

Удивительные встречи ожидают каждого из нас в музее.

Ключ от номера в отеле Нью-Йорка, который привез на память Илья Ильф. Его подарила жена писателя Мария Тарасенко.

Чернильница Гарина-Михайловского. Слово «чернильница» уже превратилось в устаревшее. А читают ли нынешние школьники «Детство Тёмы» и «Гимназисты»? Ответ боюсь услышать...

Очки Исаака Бабеля. Подарок музею от жены писателя Антонины Пирожковой. А я вспоминаю трагическое стихотворение Ильи Эренбурга «Очки Бабеля».

Портрет Михаила Коцюбинского работы Михаила Жука. Подарок музею Сергея Зеноновича Лущика. Один из многих его даров. С первых дней организации музея он был рядом, подставлял плечо, учил, делился, помогал.

И если уж говорить о подарках – автошарж Корнея Чуковского, подаренный им Сергею Бондарину, а он передарил его Литературному музею. Как и многое из того, что стало сейчас гордостью экспозиции 20-х годов.

А вот кресло Эдуарда Багрицкого. Не одесское. В Одессе такой мебели у нищего Багрицкого, скорее всего, не было. Это кресло из Москвы, подарок Лидии Густавовны Суок, привез Саша Розенбойм. Да как привез! Он приехал с ним во Внуково и уговорил пилотов разрешить ему внести кресло в салон. И весь полет сидел в этом кресле, чтобы не повредили музейный экспонат.

Как видите, не придерживаюсь никакой последовательности, никакой хронологии.

То, что нас с Аленой Яворской останавливало, притягивало...

И уже перед выходом – большая суковатая палка Владимира Галактионовича Короленко. Моя палка рядом с ней – тросточка. Как популярен был этот писатель – заступник за сирых и голодных! И подумалось, что единственная улица, чье название исчезло с карты города, и о чем жалею, – улица Короленко. Нет, это не к тому, чтобы вновь издеваться над Софиевской. Но сколько есть в городе невнятных, ничего не говорящих душе названий. Почему бы, к примеру, улице Литературной не стать улицей Короленко?

Вот ведь какие разные ассоциации рождает прогулка по музею. Еще раз подчеркну – одесскому по замыслу его создателя и смыслу его существования.

Сорок лет музею. Сорок лет водил по пустыне свой народ Моисей, чтобы все забыли, что такое рабство. Такое вот сакральное число.

Так что, мы присутствуем в начале нового этапа жизни любимого музея. Счастливого пути!